

Эпоха Китайской Республики. Японцы обнаружили монстра

В июне 1944 года в секретном военном подразделении № 731 в отделе вскрытия живых и мертвых тел произошло жуткое происшествие: после введения неизвестной сыворотки и бактерий организм одного китайца внезапно отреагировал сильнейшей бурей, претерпел мутацию и разорвал на куски восьмерых техников исследовательской лаборатории, а еще пятерым оторвало конечности, и они истекли кровью. Зрелище в комнате было невыносимо ужасным, в нос бил тошнотворный запах крови.

Армейский генерал-лейтенант приказал замять это дело. Предчувствуя неизбежное поражение Японии и понимая, что исправить уже ничего нельзя, он опасался, что огласка повлечет за собой страшные и непредсказуемые последствия. Поразмыслив несколько дней, он решил для начала выделить отряд, который тайком отвезет мутанта вглубь гор для строгого надзора и заточения, а вслед за ними отправить патологоанатомов для детального изучения и записей.

По сей день Ду Сюжань отчетливо помнит каждую деталь того случая, ведь то событие и тот человек навсегда изменили его судьбу...

Тот отрезок памяти словно вросший в нервы ядовитый нарост — он уже стал частью его тела, навечно застряв внутри и не поддаваясь удалению.

Даже спустя целую эпоху эта память, словно семя, по-прежнему таилась на самом дне его души, не ведая, в какой именно момент она вдруг тихо проклянется и вновь выйдет на свет божий!

Тогда Ду Сюжана звали вовсе не Ду Сюжанем, а Чжоу Взем.

Из-за спешки отправленные в горы японские солдаты возвели там лишь временное жилье, а самого мутанта временно заперли в естественной горной пещере.

Приближалась поздняя осень, деревья в горах пожелтели, температура падала с каждым днем. Чжоу Вэй вышел из убогой соломенной хижины, поднял глаза к небу, зябко кутаясь в тонковатую ватную куртку, и угрюмо зашагал вперед, позволяя ледяному осеннему дождю капать ему за шиворот и покрывать кожу мурашками.

По дороге он подобрал крупный лист и аккуратно прикрыл им деревянный бадди с остатками еды, чтобы в него не попадала дождевая вода.

На самом деле внутри было совсем немного кукурузной каши, а от дождевой воды она стала совсем жидкой и водянистой — в ней, если заглянуть, отражалось лицо.

Добравшись до входа в пещеру, дежуривший японский часовой с ног до головы окинул Чжоу Вэя взглядом, а затем с издевкой кончиком штыка откинул листок и заглянул внутрь.

— Бага яро, эту жижу императорская армия не разрешает давать на съедение этой твари, — процедил охранник и пинком опрокинул бадди. Большая часть каши тут же выплеснулась на землю, и под струями дождя стало заметно, как убого мало в ней кукурузных зерен.

Чжоу Вэй так и стоял с опущенной головой, не произнося ни слова. Охранник плеснул в бадди еще дождевой воды, мерзко хихикнул, достал из кармана брюк белый пузырек, отвинтил крышку и высыпал на половинку содержимого порошок, похожий на гашеную известь. Немного рассыпалось по краям емкости, и тогда солдат просто помешал месиво штыком. Убедившись, что порошок растворился в похлебке, он с довольным видом вернул штык на место, махнул рукой и рывкнул:

— Ладно, неси внутрь, поживей!

Чжоу Вэй торопливо кивнул, согнулся в три погибели, подхватил деревянный бадди и с поникшей головой шагнул в пещеру.

Внутри стояла кромешная тьма и сырость. Прутья клетки были толщиной с руку и сделаны из цельного железа, а со сводов непрерывно капала дождевая вода, звонко разбиваясь о камни в зловещей тишине.

На мужчине висела лохмотьями рваная одежда со следами запекшейся крови. Сгорбившись, он лежал в дальнем углу у каменной стены. После того как его привели в горы, он безумствовал уже трижды, чуть не перекрутив железные прутья — на тех из них, что стояли ближе к нему, отчетливо виднелись искривленные следы и выбоины. Японские техники до сих пор не могли понять причину его мутации, выяснив лишь одно: скудная пища ослабляла его силы, а добавление в еду некоего химиката затуманивало его рассудок, помогая исследователям беспрепятственно брать кровь для опытов.

Несмотря на крайнее истощение, во время своего последнего бунта он на месте разорвал техника, который пытался срезать лезвием кусок его плоти. Вот почему уже много дней никто не осмеливался соваться в пещеру и тревожить его.

Чжоу Вэй остановился у железных прутьев. Мутант, судя по всему, расслышал шаги, чуть приподнял голову — на спутанных волосах все еще виднелись сухие травинки — и уставился на него покрасневшими глазами, источавшими звериную кровожадность.

Чжоу Вэй не смел смотреть на него и поспешно опустил взгляд, черпая похлебку половником. Ему довелось воочию повидать жуткую сторону этого человека: его ногти могли в мгновение ока вырасти на полфута, черные, как смоль, блестящие и до безумия прочные, они с легкостью кромсали камень. К такому существу в глубине души он все же испытывал животный страх.

Для кормления узника использовались вовсе не обычные миски с палочками, а особая утварь, изготовленная специально для него — длинный железный черпак с ручкой длиной в добрых два метра, диаметр которой в точности подходил под зазор между прутьями клетки.

Чжоу Вэй носил ему еду уже больше полумесяца, и тот успел его запомнить. Стоило протянуть черпак, как узник тут же загребал еду пальцами с чуть более длинными, чем у обычных людей, ногтями, жадно припав к черпаку и втягивая водянистую похлебку так, будто голодал целую вечность.

Чжоу Вэй наложил три половника, и на дне показалось дно. Мутант издал недовольный низкий рык. Чжоу Вэй в нерешительности осторожно оглянулся на выход: японский часовой по-прежнему не заглядывал внутрь. Тогда юноша бережно достал из пазухи две желтоватые кукурузные лепешки — свой собственный дневной паек, сэкономленный на голодный желудок.

Он разломил лепешки на несколько кусочков, смешал с дождевой водой в черпаке и стал медленно продвигать ручку вперед, пока не доставил еду прямо к пленнику. В глазах того вспыхнула жадность: одним движением когтистой лапы он искрошил твердые лепешки и принялся запихивать их в рот, яростно пережевывая, словно лакомился изысканнейшим блюдом.

Чжоу Вэй знал, что этот человек давным-давно не пробовал ничего подобного.

Видя, как две лепешки мгновенно исчезают в пасти узника, он сглотнул слюну, прижал руку к истошно урчащему от голода желудку и отвернулся.

Хотя в припадках ярости этот мужчина вел себя как дикий зверь, Чжоу Вэй испытывал к нему скорее жалость. Тот ведь был китайцем, японцы изуродовали его до неузнаваемости, а теперь он снова угодил в их лапы — трудно было даже представить, какая участь его ждет.

Поступок мутанта, растерзавшего японцев в приступе безумия, не испугал Чжоу Вэя. Напротив, в глубине души ему стало радостно: он ненавидел японцев, желал этой своре проклятых карликов мучительной смерти и мечтал разорвать их на куски.

Его родной второй дядя сгинул по вине японцев — те использовали его для опытов с болезнетворными бактериями, и старик так и не поднялся. Умирая, он сгнил заживо, на его теле не осталось ни единого живого места, и он испустил дух в страшных муках. Эти сукины дети, японские ублюдки, были хуже животных!

За прошедшие с начала кормлений полмесяца Чжоу Вэй во всем разобрался. Белый порошок, который часовой всякий раз сыпал в бадди, на самом деле являлся особым препаратом, разработанным японскими учеными специально для подавления мутировавшего организма этого человека. После каждой такой порции мужчина на два часа впадал в состояние глубокой слабости и забытья. В этот отрезок времени японцы могли безбоязненно препарировать его тело, так как он был полностью лишен сознания и сил к сопротивлению.

Именно поэтому Чжоу Вэй всегда оставлял ему лишь малую толику каши, остальное тайком выливая, а из собственного пайка умудрялся выкроить крохи и подбросить кукурузную лепешку.

Он подозревал, что три предыдущих случая, когда узник сходил с ума и убивал людей, были связаны с лепешками. Слишком уж подозрительным совпадением выглядело то, что перед каждым из тех бунтов он отдавал мужчине целый кусок.

То была пайка дяди — в те дни, когда тот уже лежал при смерти, Чжоу Вэй отдавал свою еду этому несчастному.

Потому он и догадался: вероятно, наевшись досыта, мутант обретал силы для сопротивления.

Чжоу Вэй нагнулся, собрал вещи, поднял бадди и зашагал к выходу. Сделав несколько шагов, он замер и оглянулся: мужчина отчаянно слизывал остатки риса с межпальцевых промежутков и с одежды. Чжоу Вэй вздохнул.

Сегодня он отдал ему аж две кукурузные лепешки в надежде, что тот сможет вырваться из лап японцев живым.

Вчера он невольно подслушал разговор часовых.

Речь шла о том, что армейский генерал-лейтенант где-то услышал древнее китайское изречение: если царит смута и бесчинствует зло, жди беды!

Генерал решил, что столь странное состояние этого человека в нынешние смутные времена предвещает японской империи неминуемую катастрофу, а потому его необходимо как можно скорее уничтожить во избежание худших последствий.

Он отдал жесткий приказ: отряд должен тайком покончить с мутантом в горах, прежде чем возвращаться на базу.

Сроки поджимали — расправа была назначена примерно на сегодняшний полдень. Вот почему Чжоу Вэй решил пропустить несколько приемов пищи, сберегая крохи ради этого человека. Это было последнее проявление надежды, последнее утешение. Пусть даже тот был столь жутким созданием, Чжоу Вэй не хотел, чтобы он бесславно погиб от рук японцев и доставил им радость.

Чжоу Вэй медленно тащил бадди из пещеры, даже не подозревая, что его собственная маленькая прихоть в один миг оборвет жизни всех обитателей этого места, включая его самого...

Небольшой японский отряд насчитывал чуть больше двух с половиной сотен человек. Место их лагеря местные жители называли долиной Лунного Заката — это была просторная горная котловина, со всех сторон прикрытая от ветров отвесными скалами. Единственная дорога наружу вела через реку. Как только японцы заняли эти места, они в тот же день срубили деревья, вбили сваи и наскоро соорудили хлипкий деревянный мостик, по которому едва могли

разминуться два человека.

К тому же вход в долину круглосуточно охранялся караулом, и никому из местных запрещалось самовольно покидать ее пределы или входить внутрь.

Быть может, сама судьба вершила свое правосудие, заставляя японцев пожинать горькие плоды собственных злодеяний.

Чжоу Вэй носил еду примерно в час дня. В два часа в пещеру нагрянули трое патологоанатомов для осмотра. Вскоре за ними внутрова прошел японский техник в белой марлевой повязке, с фонариком, скальпелем и шприцем наперевес.

Сердце Чжоу Вэя забилося от страха. Рисуя в воображении картину того, как монстр с диким звериным ревом вырывается наружу, он судорожно стал искать глазами хоть какое-то укрытие, куда можно было бы шмыгнуть, и потихоньку туда перебрался.

Минут через десять оттуда вышли те трое исследователей и тот самый японец со шприцем. Перекинувшись парочкой фраз со стражей, они удалились. В пещере воцарилась абсолютная, зловещая тишина. Чжоу Вэя вдруг охватила паника: неужели он просчитался? И причина безумия кроется вовсе не в сытости?

И точно — до слуха донеслись слова стоявшего неподалеку часового:

— Чертовщина! Наконец-то сдох. Сегодня хоть выспимся, а завтра уже выдвигаемся на базу...

Неужели умер? Вот так просто взял и умер? Чжоу Вэй отказывался в это верить. Ноги сами понесли его вглубь пещеры. Не успел он сделать и нескольких шагов, как японский охранник с размаху врезал ему сапогом по ребрам. Боль пронзила грудь, и он рухнул на камни.

— Бага яро, ублюдок! Никчемный китаец, мертвецов никогда не видел? Не боишься, перед возвращением на базу ты будешь выглядеть точно так же, ха-ха-ха... — заржал японец. Несколько стоявших неподалеку солдат тут же поддерживали его хохотом.

Ударившись головой о камень, Чжоу Вэй зашелся искрами в глазах. Сидя на земле, он машинально провел рукой по затылку — пальцы тут же стали липкими от крови. Слушая издевательский гогот японцев, он до боли закусил губу. Никогда прежде не убивавший людей, в этот момент он впервые возжаждал крови. Как же сильно ему хотелось схватить длинный клинок и зарезать их всех до единого, вместо того чтобы сидеть здесь и ждать собственной смерти!

К моменту окончания работ уже стемнело. Луна пряталась за тучами, придавая пейзажу жутковатый вид.

Ночью, помимо завывания ветра в ущелье и пьяного храпа японцев, не было слышно ни звука.

Вернувшись в соломенную хижину, Чжоу Вэй смоченной в воде тряпкой стер кровь со лба. Мысли о том, что тело мертвого мутанта до сих пор лежит в пещере, не давали покоя. Он тяжело вздохнул, с тяжелым сердцем стянул обувь и лег, но ворочался и никак не мог уснуть.

Незадолго до рассвета, когда он уже забылся тревожным сном, его внезапно разбудил странный скрежещущий звук снаружи.

Кто-то пилил железные прутья пилой — раздавалось противное скрежетать, от которого по коже бежали мурашки.

Вскоре скрежет затих, а за ним последовал крик! Дикий, пронзительный вопль в ночной тишине...

Затем послышался грохот опрокинутого железного котла и топот множества ног. Командир японского отряда завопил на смеси ломаного японского и китайского:

— Бага яро, держите его! Никому не сметь бежать, кто поймает монстра, получит награду от Великой Японской Империи!

Следом грянула череда выстрелов и новые крики.

Жилище Чжоу Вэя представляло собой хижину из соломы, и несколько пуль со свистом прошили стены, просвистев прямо над его головой. Охваченный ужасом, он забился у деревянной двери. Через щель наружу лился яркий свет пожара — пламя разгоралось все сильнее, подбираясь к их крыше.

Видя, что хижина вот-вот займется, Чжоу Вэй, задержав дыхание, выскочил наружу.

Не успел он пробежать и пары шагов, как поскользнулся на какой-то липкой луже и рухнул в кровь, забрызгавшую его с ног до головы. В ужасе озираясь при свете пожара, он внезапно остолбенел.

Что это было? Неужели... монстр?!

Те жуткие, неестественно алые в ночной темноте глаза; те жуткие черные когти, выросшие вдвое длиннее обычного и достигавшие фута в длину; те торчащие из позвоночника семь-восемь острых костяных шипов, прорвавших кожу и одежду — свирепые, обнаженные и покрытые стекающими каплями крови.

Японские пули безумным градом падали на его тело, но лишь замедляли его шаг, не причиняя

смертельного вреда. Командир отряда велел притащить гранатомет и палить по чудовищу изо всех сил. Взрывы искромсали его плоть, приведя мутанта в окончательное бешенство.

Чжоу Вэй не понимал, каким образом этот человек ожил и превратился в такое исчадие ада. Пусть они были соотечественниками, но сейчас то, как он убивал людей, напоминало демонов преисподней — взмахом руки он отрубал головы и конечности, а торчавшие из его спины шипы уже насадили с десятков трупов, внушая Чжоу Вэю невиданный прежде ужас.

Охранявший его японский часовой пытался сбежать, но монстр единым движением распорол ему шею от левого плеча до правого. Труп рухнул лицом прямо туда, где прятался Чжоу Вэй. Глаза охранника были широко распахнуты от невыразимого ужаса, он даже не успел издать ни звука, как его голова и правое плечо съехали с туловища. Фонтан крови окатил лицо Чжоу Вэя теплом, заставив мальчишку задрожать всем телом перед лицом человекоподобного чудовища.

Канонада становилась все яростнее. Весь в крови, мутант продолжал рвать японцев на части с чудовищной силой. Под его горячую руку попали и несколько китайцев-работяг вроде самого Чжоу Вэя. Земля превратилась в кровавое месиво, напоминавшее поле брани в аду.

Жертв становилось все меньше. Командир японцев в бешенстве толкнул вперед техника со шприцем, приказав тому вколоть монстру загадочный препарат.

Техник, трясаясь от страха, не успел сделать и шага, как перед его глазами блеснула черная вспышка — японцу мгновенно распорол живот, и его верхняя половина тела рухнула прямо на голову Чжоу Вэя. Обезумев от страха и потеряв контроль над собой, Чжоу Вэй, движимый неведомо откуда взявшимися силами, бросился к деревянному мостику на краю долины. Однако стоило ему пробежать несколько шагов, как он споткнулся о камень. В ту секунду сердце едва не разорвалось от бешеного стука, а зубы стучали от холода — ему казалось, что прямо сейчас он падет жертвой монстра.

Но странное дело: когда чудовище уже занесло свой смертоносный черный коготь над спиной Чжоу Вэя, его движение внезапно оборвалось. Когти, коснувшись кожи юноши, вдруг сами собой втянулись обратно.

Тело монстра сплошь покрывалось кровавыми ранами, на изуродованном лице вращались лишь два окровавленных глазных яблока, губы шевелились, но не могли вымолвить ни звука.

Дрожа всем телом, Чжоу Вэй в паническом страхе гадал: почему монстр остановился? Неужели он узнал его? Узнал того, кто носил ему кукурузные лепешки? Другого утешения он в этот момент найти не мог. Однако в следующее мгновение чудовище испустило дикий вопль, обращенный к небесам, и едва заметным движением когтей полоснуло Чжоу Вэя, начисто отрезав ему левую руку. Боль была такой силы, что он едва не потерял сознание.

Свирепо развернувшись, мутант обнаружил в своей спине торчащий шприц, который командир японцев успел воткнуть ему в момент замешательства. Не успели ни командир, ни оставшиеся солдаты отступить, как монстр разрубил их на куски, оставив валяться на земле с

вывалившимися кишками. На месте схватки чудовище обезумев хваталось за голову, будто страдая от невыносимой боли — шипы на его спине и когти втянулись назад, возвращая ему человеческий облик.

В этот момент лишившийся ног японский командир пополз до гранатомета и выкрикнул фразу на непонятном Чжоу Вэю языке, после чего спустил курок. Последний снаряд угодил прямо в цель, разорвав воздух мощнейшим взрывом.

Ощувив дикую боль в ногах, Чжоу Вэй провалился в темноту.

Придя в себя, он обнаружил, что уже рассвело. Трупы, оторванные конечности и брызги крови на скалах покрывали каждый угол ущелья. Стояла мертвая тишина — кроме свиста ветра, не раздавалось ни звука.

Чжоу Вэй опустил взгляд на свои ноги: от них остались лишь бедра с обломками костей, торчавшими из разорванной плоти. Кровь продолжала утекать, тело слабело с каждой секундой, веки наливались свинцом, но деревянный мост был прямо перед глазами.

Он не хотел умирать среди гор трупов этих проклятых японцев. По крайней мере... нужно было перебраться через этот мост. Собрав последние силы, он слегка перекатился всем телом, как вдруг из его груди выкатился кровавый шар — ярко-красный, алый.

Он сразу узнал его. Это был глаз монстра.

Посмотрев на него с долгим вздохом, Чжоу Вэй единственной уцелевшей рукой подобрал его, спрятал в карман, а затем, стиснув зубы от невыносимой боли, пополз вперед к мосту.

Небо все еще завлакивала полутьма. Движимый фанатичным желанием перебраться на тот берег во что бы то ни стало, Чжоу Вэй оставлял за собой три алых следа на земле.

Когда он с трудом перевалил за последнюю балку моста, небо на востоке внезапно озарилось. Первые лучи солнца поднялись из-за горизонта, мгновенно осветив этот мир и разогнав мрачную тьму.

Бросив прощальный взгляд на восходящее солнце, Чжоу Вэй слабо улыбнулся на своем мертвенно-бледном лице и безвольно закрыл глаза...

<http://bllate.org/book/24899/2946830>